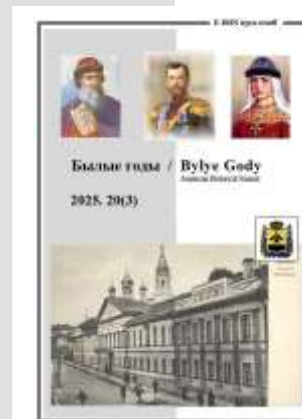

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1416-1427
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1416

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Insane in Russian Society in the 19th – early 20th centuries: Historical and Anthropological Analysis (Based on the Materials of the Yenisei Province)

Alexander S. Kovalev ^{a, *}

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

This article represents a comprehensive historical-anthropological study of social practices and cultural mechanisms in the perception of mental illness in the Yenisei Province during the 19th and early 20th centuries. The primary focus is on the process of initial identification of mental disorders in the region, which was based on community diagnosis without the involvement of medical professionals. Special attention is given to the role of local community authorities in detecting cases of mental illness and their influence on the subsequent fate of the mentally ill.

The research employs an interdisciplinary approach, combining principles of anthropological approach to history, “new social history”, local history and microhistory. The source base consists of previously unpublished archival materials from the collections of the State Archive of the Krasnoyarsk Territory, including peasant verdicts, police reports, court case materials and correspondence of provincial institutions. All this made it possible to reconstruct institutional and everyday challenges in dealing with the mentally ill in society.

During the studied period, interpretations of the causes of mental illness in the region were both social (such as alcoholism, physical injuries and postpartum complications cited as factors that contribute to the development of insanity) and ethnocultural (mystical explanations of madness among foreign population). Community diagnosis involved observing behavioral deviations and making collective decisions. The coexistence of traditional views on normality and pathology with bureaucratic practices reflected the incomplete modernization processes in the Yenisei Province during the imperial times. Society balanced between tolerance and isolation of the mentally ill, while decisions regarding treatment or maintenance were often based on economic feasibility and the level of danger posed by the afflicted.

Keywords: mental disorders, Yenisei province, historical and anthropological analysis, community diagnosis of mental illness, the insane.

1. Введение

Изучение истории жизни умалишённых в российском обществе XIX – начала XX в. представляет значительный научный интерес в контексте антропологического подхода к изучению прошлого. Дискуссии о психическом здоровье нации и необходимость современного общества развиваться в «инклюзивную» сторону делают исторический взгляд на проблему максимально востребованным, поскольку он позволяет проследить истоки стигматизации и способы её преодоления в условиях исторического опыта дореволюционного российского общества. Обращение к истории отношения общества к людям с психическими расстройствами поможет осмыслить смыслы современных стереотипов и практик, лучше понять этические и правовые аспекты отношения к ним, что важно для разработки современных, более гуманных подходов.

* Corresponding author

E-mail addresses: alexkovaleff@yandex.ru (A.S. Kovalev)

Цель настоящей статьи заключается в том, что проведённое историко-антропологическое исследование позволяет комплексно изучить феномен сумасшествия не в медицинском, а в его социальном и культурном измерении, изучить восприятие умалишённых городскими и сельскими обывателями, представителями прочих сословий и социальных групп, чтобы проследить место психически больных лиц в локальных сообществах в условиях их повседневной жизни. Региональный аспект поможет оценить специфику того, как в условиях Енисейской губернии общество и его институты, с учётом нехватки медицинских ресурсов, принимали на себя функции социального контроля над душевнобольными.

2. Материалы и методы

Источниками изучения стали обнаруженные в Ф. 518 (Контора Красноярских богоугодных заведений Енисейского губернского приказа общественного призрения) и Ф. 595 (Енисейское губернское управление) Государственного архива Красноярского края (ГАКК) (Красноярск, Российская Федерация) и ранее не публиковавшиеся общественные приговоры крестьянских сходов, протоколы и рапорты сельских старост, удостоверения волостных правлений, полицейские донесения, документы Экспедиции о ссыльных, горных исправников на золотопромышленных приисках, рапорты улусного старшины, материалы инородной управы, земских заседателей, свидетельские показания, прошения рядовых граждан с просьбами о передаче их родственников на испытание в умственных способностях, делопроизводственные документы Енисейской губернской управы и её переписка с Енисейским гражданским губернатором.

Методологическую основу исследования составляют идеи «*новой социальной истории*», которая делает акцент на «историю снизу», изучая жизнь маргинальных групп, прежде остававшихся за пределами «официальной» истории, их быта, семейных и соседских отношений, повседневного сознания. Применительно к «истории умалишённых» в контексте социальной и культурной истории это означает изучение самой истории сумасшествия, представлений о душевной болезни в обществе, становления общественного контроля и социального самочувствия душевнобольных с учётом их собственного «голоса».

В связи с этим настоящее исследование опирается на принципы *антропологического подхода к истории*, который помогает изучить, как конструировались представления о психической болезни в обществе, какие практики оно применяло в отношении душевнобольных. Антропологический подход, выступая за восстановление субъектности умалишённых, ставит под сомнение универсальность психиатрических категорий и показывает, как общество «переживало безумие». Такая позиция позволяет увидеть, как само общество различало границы между «здоровьем» и «болезнью». Не отрицая медицинский взгляд на проблему, антропологический подход говорит о том, что сумасшествие означало не только медицинский диагноз, но и было сложным социально-культурным феноменом.

Обращение к *локальной истории* позволит восполнить пробел в изучении специфики восприятия безумия местным сообществом в условиях Енисейской губернии – отдалённого и специфического региона Российской империи, выявить уникальные особенности «открытия случая» умопомешательства в сибирском регионе.

3. Обсуждение

В первой четверти ХХI в. исследователи стали часто обращаться к проблеме истории помощи душевнобольным гражданам в XVIII–XX вв., становления психиатрических заведений. Подобных исследований уже достаточно для того, чтобы их содержание стало предметом специального историографического изучения – так, М.А. Виноградова в статье «Историографический аспект организации психиатрической помощи в Российской империи в 1861–1905 гг.» изучает проблематику организации психиатрической помощи в пореформенной России, даёт подробную характеристику дореволюционного, советского и современного этапов развития научных работ по указанной теме, рассматривает их особенности и тенденции на каждом из них (Виноградова, 2022). При этом вопросы естественной и социальной маргинализации психически больных лиц, взаимодействия медицинских и социокультурных факторов при определении их судьбы в исторических исследованиях изучены недостаточно. Тем не менее, можно выделить ряд публикаций, которые затрагивают не только становление и развитие психиатрической помощи, но и рассматривают самих душевнобольных.

Подробный анализ положения душевнобольных в российском селе в конце XIX – начала XX в. даёт известный тамбовский историк В.Б. Безгин. Он делает вывод о том, что русские крестьяне разделяли душевнобольных людей на слабоумных от рождения и потерявших рассудок в зрелом возрасте, а также изучает причины, которые, по мнению крестьян, могли привести к психическому заболеванию. Он отмечает, что психические заболевания не были распространённым явлением в русском селе того времени, а отношение к сумасшедшим в деревне определялось традиционным религиозным сознанием крестьян и степенью их просвещённости и варьировалось от сочувственного до пренебрежительного. Причём сам случай умственного расстройства воспринимался как нечто неординарное, а поведение деревенских сумасшедших – как нарушающее привычные нормы, а потому опасное (Безгин, 2012; Безгин, 2013).

В коллективной статье, опубликованной в 2013 г. в «Российском психиатрическом журнале», её авторы рассматривают развитие российского законодательства XVIII–XX вв. о душевнобольных, изучают особенности правового статуса душевнобольных, деятельность законодателя и государственных органов по охране и обеспечению их гражданских прав посредством ограничения дееспособности душевнобольных и установления опеки над ними (Хлапов и др., 2013).

О.А. Шестерикова исследовала «антропологический статус безумия в культуре». Она полагает, что поскольку даже в XIX в. причины душевных заболеваний виделись «не в самом человеке, а в сверхъестественном вмешательстве», это мешало душевной болезни обрести «антропологический статус» и замедляло переход проблемы душевных расстройств в пространство медицинского дискурса (Шестерикова, 2014).

А.О. Щербинина рассматривает душевнобольных как объект общественного призрения в России в имперский период (Щербинина, 2018), т.е. речь идёт о недопустимом в исторической антропологии и «новой социальной истории», а также с этической точки зрения выделении умалишённых в качестве «объекта» при игнорировании их субъектности. Н.С. Патанина и А.Л. Устинов изучили отношение врачей и общества к душевнобольным людям в XIX – начале XXI в., однако в их работе также прослеживается в большей степени «медицинский» подход к проблеме (Патанина, Устинов, 2021).

Опыт изучения психопатических эпидемий, распространённых на территории Российской империи в конце XIX в., представлен в публикации Е.Л. Пановой. Она отмечает, что это было время истерических эпидемий, которые были свойственны только крестьянкам; способ их распространения был социально опосредован, и распространению их не препятствовала даже грамотность населения (Панова, 2021). О душевных эпидемиях как разновидности девиантного поведения также пишут А.А. Костригин и Н.Ю. Стоюхина, делая вывод, что психические эпидемии, механизмы и факторы их возникновения и распространения связаны с психологическими особенностями лиц, подверженных психическому заражению, и с точки зрения пореформенного общества считались поведением, отклоняющимся от общепринятого (Костригин, Стоюхина, 2021).

Уже упоминавшаяся М.А. Виноградова исследовала вопросы организации повседневной жизни душевнобольных на Северо-Западе Российской империи, быта больных и проблемы, с которыми они сталкивались. Ей сделан вывод о влиянии на повседневность психически больных окружающей их социальной среды (Виноградова, 2020; Виноградова, 2024).

Таким образом, в современной российской историографии проблема того, какое место умалишённые занимали в обществе XIX – начала XX в., недостаточно освещена, во многом связана с историей развития психиатрии, имеет вполне объяснимый и понятный значительный «крен» в сторону медицинского исследования. В сибирской и красноярской историографии эти вопросы и вовсе упоминаются крайне фрагментарно, обычно при изучении общих вопросов общественного призрения и становления здравоохранения.

4. Результаты

Умалишённый попадал в поле зрения общества после того, как происходило обнаружение болезни. Чаще всего болезнь проявлялась внезапно. Так, крестьянин д. Кубеково Андрей Ер-в вместе с отцом имел дом, занимался хлебопашеством и скотоводством, но неожиданно «заболел психически... причина заболевания неизвестна, каковою никакие родственники его не страдали» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 81). В с. Белоярское Ачинского округа Василий Е-в во время страды неожиданно преобразился, «называл себя то святым духом, то великим князем, ведет себя крайне буйно, рассказывает, что он был когда-то птичкой» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 92). При этом само по себе странное поведение ещё не говорило о том, что человек стал одержим психическим заболеванием – должно было произойти «открытие» душевного недуга, которое представляло собой процесс своеобразной первичной «общественной диагностики», связанной с определением у представителей разных социальных групп психической проблемы со стороны социума без медицинского освидетельствования.

«Открытие случая» в Енисейской губернии происходило по-разному в сельской местности и в городе. В деревне родственники умалишённого крестьянина обращались к сельскому старосте, который мог лично составить свидетельство на поселенца. Например, сельский староста сообщал о поселенце Частоостровской волости Х-ва: «В течение месяца проявлял признаки умопомешательства... разный непонятный разговор, ругание неприличное... нес всякую чушь. Из родственников его никто в умопомешательстве замечен не был. Сам Х[...] в был здоров и нигде не лечился, вел себя тихо и с женою своей жил миролюбиво, ссоры между ними никогда не было» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 157. Л. 59).

Крестьяне могли уведомить сельского старосту не только о больном родственнике, но и о том, что у них есть «подозрение» в психическом здоровье кого-то из соседей. Так, жители с. Подсопочное Сухобузимской волости обратились с заявлением в том, что «поселенческая жена Фотиния... Д[...]кина лишилась ума, наносит себе побои, не принимает ни от кого никаких разговоров, в том числе от мужа своего» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 169. Л. 2).

Также сельский староста мог созвать сельский сход, который выполнял функцию домедицинской, общественной диагностики и составлял общественный приговор, в котором сообщал об «открытии случая» помешательства. В подобном документе, в отличие от обычного свидетельства старосты, подробно описывалось то, что привело к потребности в психиатрической помощи. Например, в общественном приговоре по делу крестьянина Степана Р-ва в 1893 г. сообщалось, что мужчина в течение пяти лет вёл бродяжническую жизнь, «шатаясь в лесу, на пашнях и по заимкам, производя мелкие кражи», «покушался на жизнь [односельчан], стрелял через окно в спящих, нанес побои дулом ружья крестьянке, убегал из-под ареста. С наступлением холодов Р[...] в переехал к родной матери и занимался всеми крестьянскими работами... своего дома не имеет, а живет в работниках» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 157. Л. 72).

Сельский староста выполнял свои обязанности по первичному расследованию случая умопомешательства и в том случае, если заболевший был не местным и оказался в деревне случайно. Вот типичный пример. По р. Чулым шла баржа, на которой летней ночью «обнаружился буйный пассажир Н-нов». Находившиеся на барже кое-как усмирили мужчину и отправили на пристань д. Симоново, где сельским старостой был составлен акт о том, что 42-летний Н-нов «лишился ума, производя неподходящие человеку поступки». Взяв с собой понятых, староста отправился на место происшествия, где оказалось, что Н-нов «никакого сумасшествия не показывает, на предлагаемые вопросы отвечает благоразумно, лишь заикаясь... и по словам людей, находившихся на барже, [и], надо полагать, по его глазам, он имеет в себе образ самого тихого сумасшествия». Люди с баржи потребовали «устранить от них Н[...]нова, который бывает весьма свиреп, и они насилу с ним справляются, с опасностью для жизни». Сельский староста признал Н-ва «находящимся в тихом помешательстве» и постановил «вместе с деньгами представить его в распоряжение Большеулуйского волостного правления» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 157. Л. 145-145об.).

Причина сумасшествия никому из служащих на барже была неизвестна, только они объяснили, что злополучной ночью он был в нетрезвом состоянии, поэтому причиной «сумасшествия» мог быть банальный алкогольный психоз. Волостное правление передало Н-ва в Ачинское полицейское управление «с признаками умопомешательства» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 157. Л. 142-142об.). Оттуда больной был отправлен в Ачинский тюремный замок, где был подвергнут уже медицинскому освидетельствованию.

Нередко начало помешательства объяснялось односельчанами по-житейски просто, для этого им не требовалось дополнительное медицинское подтверждение своих догадок: крестьяне с. Сухобузимское Красноярского округа сообщали, что «знают хорошо поселенку Матрену Т[...]», 38 лет», которая «до разрешения ее от бремени была в здравом уме, а через три дня случилось с ней умопомешательство» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 157. Л. 133-134). Другая крестьянка, 35-летняя Мария Б-ва, находясь в последнем периоде беременности, уже была подвержена постоянным припадкам, подвергая опасности свою жизнь и жизнь родных. Из общественного приговора известно, что женщина «произносит бессвязные и неприличные слова, часто впадает в бессознательное состояние, сопровождаемое припадками буйства... бросается на людей, бьет все, что попадает под руку, плюется, одержима острым психозом, подлежит отправлению в красноярское отделение для душевнобольных» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 14-15). Подобное поведение крестьяне, конечно же, объясняли тем, что женщины рожали в позднем возрасте.

Причиной помешательства могли стать нанесённые человеку тяжёлые физические увечья. Так, крестьянина д. Галактионово Петра О-ва избили два других поселенца, в результате чего у него стала проявляться душевная болезнь. Сельский староста просил принять его на испытание и лечение в дом умалишённых, поскольку нет благонадежного человека, который бы ему помог (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4715. Л. 120-121).

Часто причиной помутнения рассудка становилось чрезмерное употребление алкоголя. Так, жена некоего Д-на, 35 лет, заявляла, что её муж «до болезни пил сильно водку, заболел уже больше года, стал задумываться, тосковать, признавать себя неспособным к труду». Постепенно делался очень раздражительным, «временами проявляется... и дошло до того, что уже неоднократно стал грозить ей лишением жизни» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 222. Л. 24-24об.).

В течение длительного периода душевная болезнь могла находиться в латентном состоянии, а здоровые члены семьи могли несколько лет жить рядом с больным до того момента, пока тот не начинал проявлять признаки опасного поведения. Появление таковых превращало повседневность родных в экстремальную, для которой были характерны опасения за свою жизнь, жизнь больного и посторонних людей, причинение вреда хозяйству.

Подобные случаи были нередкими. Например, в 1873 г. жена мещанина Ус-ва показала Ачинскому окружному исправнику, что её муж «с давнего времени страдает умопомешательством... на протяжении девяти лет страдал припадками умопомешательства», но «первоначально он вел себя тихо, в последнее время сделался беспокойным». Но позже Ус-в перестал заниматься трудовой деятельностью, стал называть себя царём, «иногда гоняется за женой с топором, часто бьет свою жену» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4715. Л. 70).

Совместное проживание вместе с умалишённым даже по соседству не было для обывателей чем-то из ряда вон выходящим, но ровно до тех пор, пока психически больной не совершал вызванный недугом проступок. Вот показательный пример. 27 марта 1895 г. сельским старостой с. Бельского был составлен акт о том, что некий Соловьев «сидел в гостях у [знакомого] крестьянина..., вечером пошел по водку в кабак и, идя обратно с двумя бутылками водки, его встретил душевнобольной... Василий Н[...]-ров, **которого [мужчина] знал [и] не остерегался его** (выделено мной – Прим. авт.). Поравнявшись с ним, Н[...]-ров его ударил поленом в голову и окровенил» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 67). Сельский староста, осмотрев пострадавшего, обнаружил рану: «...голова окровавленная, и на голове оболочка черепа кожи пробита... откуда обильно текла кровь. Волосы головы все запачканы в крови» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 67).

На следующий день к старосте явился другой крестьянин, который заявил, что ночью Н-ров «был у него на пасеке у пчельника, отстоящего от села в двух верстах, будучи у пчельника, Н[...]-ров от двери пчельника отбросил солому, разрыв ее, добивался попасть в самый пчельник и в скважину замка гвоздем... Он оставил у пчельника пимы и шубенку», которые пасечник предъявил в волостное правление (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 67). Двух случаев экстраординарного поведения прежде «тихого сумасшедшего» Н-рова вполне хватило, чтобы отправить его на медицинское освидетельствование.

После обнаружения психического заболевания сельский староста обращался в волостное правление, которое направляло в Контору красноярских богоугодных заведений документ, в котором сообщало предварительные сведения о заболевшем, из которых самой важной была информация об имущественном положении того, кого оно отправляло на испытание. Например, Сухобузимское волостное правление в январе 1893 г. сообщало в удостоверении, что «Андрей Кр[...]-ров, рабочий... 67 лет, страдает периодическим умопомешательством, при этом имущества и хозяйства не имеет, к платежу... не способен, одежда на нем собственная, пальто, шаровары, катанки, рубашка и штаны, все ветхое» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 169. Л. 5). Последнее обстоятельство должно было сообщить, что у больного нет средств, чтобы оплачивать лечение, но из удостоверения невозможно понять, готово ли было само правление лечить своего больного.

Крестьянам и поселенцам Енисейской губернии было свойственно определённое милосердие в отношении душевнобольных, поэтому они были готовы за счёт общества содержать их пребывание в доме для умалишённых, были готовы принять их обратно к себе на попечение после лечения. Но порой их отношение к психически больным было довольно жёстким. Общественный приговор крестьян д. Борково сообщает, что «вновь причисленный для водворения в нашу деревню ссыльный Бонифатий К[...], 18 лет, не имеет у себя рассудка вследствие прирожденного идиотизма... его действия выходят бессознательные, вредные и опасные, так что он шатается по деревне без всякой цели день и ночь, заходит на гумна, в бани и спит где попало, раз найден был курящим сигару, разложил огонь, и если бы не увидели этого, то неминуемо бы вспыхнул пожар. В другой раз он разложил огонь в бане... Кроме того... иногда бросается на людей и угрожает убийством». Считая молодого человека «вредным и опасным, не говоря о том, что по неимению у него средств и неделанию работать мы его кормим», крестьяне постановили: «Просить Правительство, чтобы означенного К[...] от нас взять и тем избавить нас...». Однако в приговоре также сообщается, что Бонифатий К. уже был лишён всех прав состояния и сослан на поселение в Сибирь Витебским окружным судом, и что «прибыл на место водворения не в полном рассудке, ни к какому труду не способен, питался милостынею». Поэтому в завершении документа крестьяне деревни подписались, что «более держать в их среде [его] не желают» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 222. Л. 64-66).

Специфика «открытия случая» помешательства среди ссыльных Енисейской губернии состояла в том, что волостное правление доносило о нём в Енисейскую экспедицию о ссыльных. Из такого донесения, к примеру, следует, что 60-летний Иван Н. с 28-летней супругой и двумя детьми 6 и 7 лет был сослан в Сибирь «за угрозы сжечь все селение», получил статус «административно ссыльного», и здесь окончательно сошёл с ума (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 41). В другой раз как такового случая помешательства даже не было, волостное правление писало, что ссыльный Василий Д-в всего лишь «может быть подвержен опасным припадкам», но, на всякий случай, и о нём донесли. Этот случай больше интересен тем, что в качестве альтернативы помещению в дом умалишённых Енисейская экспедиция о ссыльных выступила за выдачу Д-ву «от казны ежегодного пособия в размере 19 руб. 13 коп.» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 157. Л. 157-159).

Волостное правление могло не уведомлять Экспедицию о ссыльных, а напрямую обратиться в правоохранительные органы. Так, из Ужурского волостного правления в Ачинское окружное полицейское управление поступил рапорт, из которого видно, что в 1881 г. в Ужур был «прислан на причисление ссыльный Павел П[...]-в, он же Б[...]-в... Начал вести себя странно: выпрашивает у торговцев много медных крестов, навешивает их на грудь, а также множество колец надевает на пальцы рук, работой никакой не занимается, пропитывает себя прощением милостыни. Странность его поведения в последние 5 лет более и более увеличивается, например, [он] раскладывает на улице вблизи домов огонь и варит себе пищу. На преследующих его в этом должностных лиц ...ругается и бросается с чем попало в руках» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 145).

Далее следовала информация о том, что П-в (Б-в) «становится совершенно опасным... Пребывание его на свободе грозит поджогом или причинение кому-нибудь смерти» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 145об.). Однажды он уже был доставлен в полицейское управление и проходил освидетельствование, в результате которого было выписано удостоверение о его несостоятельности, вместе с которым П-в (Б-в) был отправлен в дом умалишённых. Также из документа об освидетельствовании следует, что больной «...именует себя Христом, мучеником, говорит о каких-то своих заслугах... читает молитвы вместо ответов на вопросы» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 147). В то же время из затребованного полицейским управлением статейного списка известно, что П-ву (Б-ву) было 50 лет, происходил он из крестьян и был сослан из Тюменского округа за дурное поведение по приговору тамошнего общества. Согласно же удостоверению волостного правления, имущества у мужчины не было, поэтому за лечение его денег взыскать было не с кого (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 148, 149об.).

Если душевнобольной находился на золотопромышленных приисках, то задачу доврачебного освидетельствования принимал на себя горный исправник. Он выяснял всю информацию о заболевшем и передавал его приисковому врачу, который направлял больного в Красноярск, в Контору красноярских богоугодных заведений. Так, в 1895 г. на основании отношения горного исправника был освидетельствован рабочий Иван Ф-ль. Исправник выяснил, что больному ссыльнопоселенцу было 29 лет, он жил постоянно в д. Галанино Казачинской волости, женат не был и родственников не имел. Ему был выдан специальный билет на право отлучки с приисковых работ сроком на один месяц, с которым он препровождался на испытание в Красноярский дом умалишённых. В случае, если помешательство не подтверждалось (а это мог быть алкогольный психоз), или лечение занимало непродолжительное время, по истечении месяца больной должен был вернуться из больницы на место своего постоянного проживания, не останавливаясь «на пути нигде без особенных законных причин под опасением взыскания по законам» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 157. Л. 161, 162об.-163).

Об инородцах, страдавших помешательством, сначала сообщали улусному старшине, тот, в свою очередь, в инородную управу. Так, в 1893 г. Чебаковский улусный старшина в рапорте, направленном в Абаканскую инородную управу, сообщал, что инородец Боб-й «...лишился здравого рассудка, два раза уходил из дома, за ним были организованы розыски, [а] человек, у которого он жил, больше не захотел нести хлопоты» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 169. Л. 122). Инородная управа посылая более полное донесение в Енисейское губернское правление. Так, Кизильская инородная управа сообщала в Красноярск в 1895 г., что инородец Михаил О-рин ещё в 1894 г. заявил, что его сын Семен «третий год стал лишаться умом, и в умопомешательстве наносит жене своей и детям побои», после чего скрылся (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 7-7об.). Инородная управа затребовала от улусского старейшины сведения, повторяются ли с О-риным припадки, и в ответ получила сообщение, что тот «в умопомешательстве кидается на жену, отца и мать с ножом и топором и похваляется всех перерубить и перерезать» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 7-7об.). Вызванные в управу мать и брат Семена подтвердили изложенное, отказавшись от попечительства над больным и попросили отправить того на излечение. Таким образом, родственники О-рина жили рядом с душевнобольным в течение трёх лет, и только когда на четвёртый год у него стали проявляться приступы сумасшествия, совмещённые с агрессией, они отказались от совместного проживания и обратились за посторонней помощью.

Из рапорта улусского старейшины известно, что он вместе с понятыми отправился в дом к О-риным, чтобы «взять отзыв о состоянии Семена, но тот, схватив топор, до себя не допустил, убежал, запряг лошадей и скрылся» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 8), однако через два дня явился домой и был «взят обществом». Только после этого инородной управой был отправлен полный текст в губернское правление с объяснением отца больного, который причину умопомешательства обосновал так: «Сын мой учился шаманству, но не доучился, а потому [шаманство] и сводит его с ума» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 10об.).

Среди других категорий групп населения среди умалишённых обнаруживались бродяги, учителя и даже священнослужители. Например, в 1896 г. в Торгашинской степи была обнаружена душевнобольная женщина-бродяга, не помнящая своего имени и фамилии. По выяснении её личности оказалось, что это Акулина З-на, которая ушла из дома 8 месяцев назад. Наталья К-ва, 35 лет, была «найдена бродяжничающей, на вопросы не отвечает, единственное, чего удалось от нее добиться, что у нее нет глаз, и она ничего не видит. На самом деле глаза ее видят удовлетворительно». Бывший учитель епархиального училища сошёл с ума, устроил буйство на квартире своей хозяйки. Некто Алексей Л-н был доставлен в психиатрическое отделение больницы, где через полчаса умер от отравления алкоголем (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 222. Л. 95-96, 109, 142, 146).

Священник Даурской Михаила-Архангельской церкви Гаврила Л-в писал земскому заседателю 2-го участка Ачинского округа: «Сын мой, бывший псаломщиком... находился в доме психических больных с 16 июня по 23 сентября 1891 г. Затем я, прибывши к нему, видя его исхудалым, из жалости взял его... к себе на свое попечение в Даурское, по совету некоторых, будто бы он скучает по мне и матери. Но... он испуг сделал мне и жене моей: револьвер был заряжен тремя пулями для остережения от воров, так как в бытность мою в г. Красноярске... покушались на воровство,

и караульный мной был нанят. Револьвер я отдал жене моей спрятать от сына, он как-то отыскал его, в то время я занимался письмом, жена моя вскричала: иди сюда поскорее. Он уже успел взять револьвер, я у него долго вырывал его из рук, Бог мне помог вырвать, но мать осталась от него изувеченной. Очевидно из его выходок, что он в помешательстве ума, поврежден рассудок. Поэтому, ваше высокоблагородие, всепокорнейше прошу отправить сына моего... для лечения в красноярскую городскую больницу, и меня, и жену мою спасти от опасной жизни. Сколько следует денег за лечения, я вышлю почтой...» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4715. Л. 131).

Эта ситуация требует детального рассмотрения. Вместо христианского гуманизма и семейной заботы священник отправил своего сына в дом умалишённых, откуда взял его на попечение не из-за человеколюбия или отцовских чувств, а по совету других людей, узнавших, что молодой человек скучает по родителям. Даже остерегаясь воров, священник сам проявил преступную беспечность, когда решил держать оружие в период возвращения домой больного сына, будто искусственно создавая ситуацию, при которой найдётся повод, чтобы отправить его обратно в больничное заведение. Можно сказать, что священник не справился с посланным ему испытанием ни по-человечески, ни по-христиански.

Встречались среди психически больных и политические ссыльные, причём из числа военнослужащих. Интересно, что процедура их предварительного освидетельствования была крайне упрощённой. Солдата отправляли на гауптвахту, затем в местный лазарет, а оттуда практически сразу на испытание в Красноярский дом умалишённых. Однако вызывает определённое сомнение, были ли на самом деле политические ссыльные душевнобольными. Так, в 1897 г. некто Иван Б-в был назван умалишённым «по религиозным воззрениям, противным православной религии и государственному строю» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 222. Л. 38). В 1905 г. рядовые железнодорожного батальона Леонид В-кий и Семен П-в были признаны больными «за участие в демонстрации с рабочими мастерских». Воинский начальник особенно обращал внимание на то, чтобы «в процессе нахождения в отделении для умалишённых над ним[и] был учрежден надзор, и... не допускались посетители» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 413. Л. 2, 63).

В городской среде первичное обращение по поводу обнаружения душевного расстройства было связано с деятельностью мещанской управы, куда обращались родственники больного, и органов охраны общественного правопорядка. Заболевшего доставляли в полицию, где происходила всё та же первичная непрофессиональная диагностика случая помешательства. Так, в 1894 г. к полицейскому надзирателю 1-го участка Ачинска обратилась мещанка И.Н. Др[...]нина, которая заявила, что «муж ее Аpekсим..., страда с давнего времени умопомешательством с буйными припадками, стал опасен для окружающих, ввиду чего она обратилась в Ачинскую мещанскую управу с просьбой о помещении его в больницу или дом умалишённых» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 157. Л. 153). Однако управа отказала женщине, и тогда она была вынуждена обратиться к полицейскому чиновнику. Надзиратель решил проверить заявление женщины путём негласного дознания, в ходе которого выяснил, что её муж «угрожает всему семейству лишением их жизни... действительно одержим... [и] для предупреждения несчастных случаев следует поместить его в дом умалишённых» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 157. Л. 153-155). Об этом полицейский надзиратель сообщил в Ачинское окружное полицейское управление, которое постановило сопроводить больного мещанина в Красноярск в Контору красноярских богоугодных заведений.

Иногда полицейские чиновники, вероятно, не раз сталкивавшиеся с тем, что врачи освидетельствовали душевнобольного в присутствии полицейского управления, в своих рапортах давали почти медицинские заключения. Так, полицмейстер из Ачинска в 1885 г. представил «освидетельствование» Михаила С-ва, не уступавшее медицинскому анализу: «...ему 35 лет, сам он говорит, что 60, на вопросы о себе, звании и месте нахождения отвечает удовлетворительно, представление о времени потерял, в разговоре часто смеется, рассказывает о видении им ангелов, божественном откровении, как строить какую-то мельничку. На другие вопросы отвечать отказывается» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 109).

Благодаря первой беседе и расспросам полицейские до прибытия врача могли составить предварительное заключение о психически больном человеке, который к ним поступал. В том же году в присутствии Ачинского окружного полицейского управления был «освидетельствован» ссыльный Погос А-в: «27 лет, охотно рассказывает и пускается в рассуждения, заявляет о преследовании злодеями, начавшегося несколько лет тому назад, сознание времени, места и личности есть» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 191. Л. 115). Из беседы полицмейстера с А-вым выяснилось, что он трудился на строительстве железной дороги, там с ним случился припадок, после которого его направили в полицейский участок.

У полиции была возможность напрямую решать вопросы помещения человека в медицинское учреждение, без обращения в другое ведомство. Так, в 1893 г. на паузке из Енисейска во время навигации оказался душевнобольной рабочий Матвей Об-в, который несколько раз намеревался лишить себя жизни. Его связали и поместили на дне паузка, но болезнь развивалась, «помешательство было буйное и опасное для окружающих». По прибытии в Енисейск владелец судна напрямую обратился к полицейскому приставу, чтобы тот отправил мужчину в больницу. Однако в

уездной больнице душевнобольного не приняли, отказав на том основании, что Енисейский губернатор запретил своим распоряжением принимать сумасшедших. Пристав распорядился, чтобы заведующий больницей оставил у себя на сутки Об-ва, пока тот не будет отослан в Красноярск сельским движением (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 169. Л. 139-143).

Часто в архивных документах встречаются нетипичные случаи, которые даже не доходили до медицинского освидетельствования, заканчиваясь общественным рассмотрением. Например, в 1890 г. крестьяне Леонтий и Евдокия З-ны из д. Замятино Зеледеевской области обратились к Енисейскому губернатору с ходатайством об освидетельствовании их сыновей Николая и Терентия. Губернатор распорядился разобраться: «будто бы есть повод подозревать расстройство психической сферы». Этот факт уже вызывает любопытство – по вопросу о сумасшествии даже крестьяне могли написать губернатору, который мог инициировать рассмотрение отдельного случая.

Пожилые люди писали: «сыновья наши страдают умопомешательством, Николай уже 15 лет, а Терентий года 4, и не только не приносят никакой пользы трудом в хозяйстве», но «...мы думаем, что они безумные, потому что... [в] праздник они меж собою ругаются, делом не занимаются, только когда что прикажешь, тогда и работают... о домашности они не пекутся, а так опасности от них нет никакой, побоев от них мы еще не видали, а только иногда на них что-то находит, то, например, называют себя Богом и Царем и другие глупости говорят» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3528. Л. 8, 13-13а).

По делу были опрошены девять соседей З-ных, которые дали исчерпывающие свидетельства: «Характера буйного, они брата выжили старшего, но я не могу сказать, чтобы они совсем уж были дураки или безумные»; «... выгнали из дома брата Гаврилу, который их кормил и поил, он прибежал к нам со своей семьей и говорил, что его хотели бить»; «на посторонних они не кидаются, а только брата Гаврилу стесняют... а так они смирные и работают, всякое дело исполняют»; «опасностей для соседей от них не предвидится... только с домашними не уживаются»; «буйствуют в семье, обижают старшего брата, который из-за них отделился»; «старший брат заставлял их работать, а им не хотелось»; «Николай иногда заговаривается, а Терентий просто буйн»; «Терентия связывали и в волость отправляли, [но] я не видел особенно вредных пакостей вроде покушений или чего подобного»; «Николай... был не ладен умом, хвораю чем-то, и с ним что-то сделалось, [но] потом работал. А Терентий всегда был в здоровом уме»; «они просто ничего не желающие делать для семьи лентяи, позволяют себе иногда буйствовать» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3528. Л. 9-12).

Из документов известно о семейном положении крестьян З-х: старшему Гавриле было 37 лет, он состоял в браке и имел шестерых малолетних детей, 33-летний Николай 33 года и 27-летний Терентий были холостяками. Все они занимались хлебопашеством и, как заметил их отец, «[от такого] количества рабочих сил в семье хозяйство должно бы улучшаться, но на самом деле оно год от году разоряется». Фактически единственным работником в семье был Гаврила (родителям было больше 65 лет, и они уже были неспособны к труду), а о младших сыновьях отец писал: «Своими... выходками парализуют действия в хозяйстве старшего сына Гаврилы, который... вынужден был удалиться из семьи, оставив нас, стариков, с двумя помешанными» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3528. Л. 13). Сельское сообщество пыталось воздействовать на братьев, но дело ограничивалось двухсуточными арестами, которые «не только не умилили их, но и поощрили их к еще худшим безобразиям» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3528. Л. 13а).

Показания родителей и сельских жителей подтвердило заключение земского заседателя 1-го участка Красноярского округа: «Расстройство умственных способностей не проявляют, лишь напускают на себя временно дурь» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3528. Л. 7). Поэтому губернатор, рассмотрев результаты проведенного земским заседателем дознания, пришёл к выводу, что предположение родителей о расстройстве умственных способностей их сыновей «неверно» и предложил полицейскому управлению «объявить и распорядиться внушить сыновьям... что у сельского и волостного начальства есть власть и возможность привести их в надлежащее повиновение родителям, преклонный возраст которых по закону обязывает их заботиться» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3528. Л. 14).

Однако ни земский заседатель, ни губернатор не обратили внимание ещё на пару крайне важных свидетельских показаний. Один из соседей сообщил, что за братьями «недоимки более 30 четвертей хлеба да рублей 40», а другой подтвердил: «Когда накопили недоимки, тогда и дурь на себя напустили... чтобы не платить» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3528. Л. 12). Таким образом, можно предположить, что в настоящем случае речь вполне может идти о том, что братья З-ны симулировали сумасшествие, дабы не платить по долгам. Конечно, в дом умалишённых они не собирались, хотя не стоит исключать и варианта, при котором ради получения официального статуса они были бы даже готовы провести некоторое время в заведении для душевнобольных. Скорее всего, имитация сумасшествия им была нужна на бытовом уровне, когда фраза «что возьмешь с сумасшедшего» обрела бы реальный смысл. При этом следует отметить, что если факта реального сумасшествия обоих крестьян не было (а его могла подтвердить только официальная экспертиза, но до неё они усилиями губернатора не дошли), им удавалось удачно имитировать помешательство, поскольку здесь прослеживается наиболее типичная модель сумасшествия, которую они наверняка знали и

видели, поскольку настоящие душевнобольные опять же могли долгое время проживать среди условно нормального большинства.

Впрочем, далеко не всегда проявление странного поведения действительно свидетельствовало о наличии душевной болезни. Конечно, бывали случаи, когда человек симулировал сумасшествие ради получения определённых выгод. Так, документы об освидетельствовании поселенца Григория Р-ва из д. Шивера в 1875 г. сообщают, что Р-в, причисленный в деревню в 1865 г., был одержим падучей болезнью «и во время припадков, который случается с ним частовременно, делает против жителей... проступки, берет в руки что ему попадет и бросается... или же ломает посуду или рамы, словом все, на что попадет» и «разгоняет все семейство того дома, где случится с ним припадок» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4715. Л. 75-78). Далее крестьяне сообщали, что «никто из среды его иметь на квартире не желает», поскольку Р-в «имел пристанище в [сборной] избе» и во время случившегося с ним припадком напал на крестьянина Григория А., «схватил его за шею руками и сжал так сильно, что [тот] лишился чувств, и если бы не освободили его из рук бывшие в то время в избе крестьяне, то мог лишиться жизни» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4715. Л. 75-78). Поведение Р-ва приводило «каждого в страх, и чтобы избавиться [от него], сельский сход единогласно принял решение отправить его в Частоостровское волостное правление», откуда направить его в Красноярск на испытание: «если действительно, то поместить в дом умалишенных, а если болезнь будет ложною, то предать суду за намерение удушить» крестьянина.

Сам Р-в добивался исключения его из оклада податей, чтобы получать от казны денежное пособие, для чего по его просьбе он был неоднократно освидетельствован в присутствии Енисейского губернского правления, но каждый раз признавался здоровым и на свои просьбы получал отказ и от Енисейского гражданского губернатора, и от Восточно-Сибирского генерал-губернатора. Р-в проходил обследование дважды в 1869 г., но «был признан к работам способным». Волостное правление считало, что Р-в «сознательно, дабы довести дело до конца, стал усиливать действия вредными и злонамеренными поступками» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4715. Л. 75-78).

Произведённое в Красноярске в Енисейском губернском присутствии испытание также показало, что «разнообразие... припадков и довольно частое их повторение при удовлетворительном общем его состоянии здоровья наводит некоторые сомнения на действительность страдания... и делает вероятным предположение о притворстве». Губернское присутствие предписало Контуре красноярских богоугодных заведений поручить ему «вновь подвергнуть Р[...]-ва испытанию, [обеспечить] тщательное наблюдение во время припадков» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4715. Л. 75-78).

Далеко не всегда открытие случая душевной болезни означало, что человека сразу отправляли в дом умалишённых. Нередко подозреваемый в «безумии» проходил несколько инстанций, и ситуация возвращалась к тому, с чего начиналась. Вот показательный пример. 15 августа 1909 г. полицейскому уряднику 6-го участка 3-го стана Минусинского уезда поступило донесение, из которого следует, что некоего Алексея С-на следует заключить под стражу «ввиду того что в селение его содержать не представляется возможным» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 466. Л. 1). Урядник ознакомился с протоколом полицейского сотского из с. Верхний Кужебар М. Алехина, который провёл предварительное расследование. Тот выяснил, что Алексей С-н на чужой пасеке выломал два улья пчёл, в результате чего они погибли, поджог своё гумно, затем залез в винную лавку, выбив в ней окно, «все ночи проводит... с угрозами, что сожжет все селение, соберет в одну кучу – “эх, углей много будет”» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 466. Л. 2).

Полицейский урядник посчитал, что мужчина – сумасшедший, и отправил его в окружное управление, где С-на подвергли медицинскому освидетельствованию, в ходе которого он был признан здоровым. Однако для него это означало, что он должен быть предан суду. Дело о поджоге было направлено мировому судье, однако тот не нашёл состава преступления, мотивируя своё решение тем, что С-н поджог не чужое имущество, а собственное, и освободил его (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 466. Л. 4-5).

Однако уже через месяц полицейский сотский М. Алехин сообщил, что после освобождения С-н явился в село и «вновь наносит... вред, а именно... у другого крестьянина выломал из двух пчелиных ульев мед и кроме того наносит угрозы всему селению». Дабы успокоить большое и обезопасить соседей, полицейский принял решение ограничить свободу С-на: «В настоящее время... прикован к стенам своего дома наручными ремнями, которые его не держат, ежедневно переламывает их и приходится заменять их новыми, еще приставляем к нему караул из 8 человек» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 466. Л. 6-6об.).

Через несколько дней в село прибыл сам урядник и посетил С-на. В своём рапорте он сообщает: «Я видел [его]... на меня он произвел угнетающее впечатление: блуждает глазами по неопределённому пространству, говорит несвязные речи, в которых слышны угрозы населению и своему семейству, прикованные к стене цепи мало его держат, он бьется и иногда рвет их. Полагаю, что С[...]-н достиг полного умственного расстройства, допросить его как нормального человека не представляется возможным» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 466. Л. 11). Только после этого С-н был направлен на испытание в дом умалишённых.

4. Заключение

Изученные кейсы представляют ценный материал для дальнейшего исследования поставленной в статье проблемы. Антропологический анализ положения умалишённых в Енисейской губернии в XIX – начале XX в. позволяет сделать определённые выводы о восприятии психических заболеваний и обращении с душевнобольными в российском обществе того периода.

Первичное выявление случаев психических заболеваний происходило без медицинского вмешательства и представляло собой общественную диагностику. Сельские старосты, волостные правления и даже соседи играли ключевую роль в идентификации «умалишённых». Процесс включал наблюдение за поведением, сбор свидетельств и составление актов в ходе первичного сбора информации. При этом отсутствие даже бытовых медицинских знаний приводило к тому, что причины психических расстройств объяснялись путём бытовых, культурных и даже мистических представлений. Среди наиболее частых объяснений помешательства фигурировали алкоголизм, послеродовые осложнения, физические травмы и даже влияние «шаманства» у инородческого населения. Особый интерес представляет гендерный аспект восприятия душевной болезни – случаи послеродовых психических расстройств интерпретировались в рамках народного дискурса о «женской природе».

При этом очевидно, что в обществе существовал сложный баланс между терпимостью и изоляцией. Реакция обывателей на проявление «случая безумия» могла варьироваться от проявления милосердия до принятия самых жёстких мер. Больных могли содержать за счёт общества, а изоляция или лечение инициировались только в случае проявления больным агрессивного поведения и прямой угрозы жизни или имуществу. Семейные стратегии варьировались от длительного ухода до попыток скорейшего избавления от обузы.

Важно отметить, что общество не всегда могло определить границу между болезнью и возможностью притворства. В то же время прослеживаются случаи симуляции, когда отдельные лица имитировали сумасшествие для того, чтобы избежать уплаты налогов или наказания. Это усложняло дальнейший процесс выявления психического заболевания и требовало дополнительной проверки.

Полученные результаты демонстрируют сложное взаимодействие социальных и культурных факторов в обращении с душевнобольными. Признание человека умалишённым в Енисейской губернии представляло собой сложный процесс, в котором пересекались различные дискурсы и практики. Умопомешательство осмыслялось через соединение коллективного опыта, традиционных представлений и административной логики. Анализ архивных документов подтверждает тезис М. Фуко о социальной природе определения психических отклонений. В Енисейской губернии процесс «открытия психиатрического случая» происходил путём оценки не самого заболевания, а с позиций хозяйственной целесообразности и общественной безопасности: экономические соображения (трудоспособность больного, затраты на его содержание) часто превалировали над медицинскими, а маргинальное поведение вроде бродяжничества или инакомыслия также интерпретировалось как проявление психической болезни.

Отсутствие в отдалённой местности профессиональной психиатрической диагностики компенсировалось социальными механизмами регулирования душевных заболеваний, когда общество выполняло функции первичного контроля. Психиатрическое освидетельствование проводилось уже на последующих этапах, что указывает на доминирование социальных норм над медицинскими критериями. Это, в свою очередь, свидетельствует о незавершённости процессов модернизации в Сибири.

Литература

[Безгин, 2012](#) – Безгин В.Б. Душевнобольные в русском селе конца XIX века / Представления людей о «норме» и «патологии» в процессе исторического развития. СПб.: Полторак, 2012. С. 79-84.

[Безгин, 2013](#) – Безгин В.Б. Деревенские «дурачки»: душевнобольные в российском селе (конец XIX – начало XX века) / История и философия развития регионов, стран, народов мира. Киров, 2013. С. 22-31.

[Виноградова, 2020](#) – Виноградова М.А. Повседневная жизнь душевнобольных на северо-западе Российской империи в 1890-е гг. / Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность. Т. 2. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. С. 309-314.

[Виноградова, 2022](#) – Виноградова М.А. Историографический аспект организации психиатрической помощи в Российской империи в 1861–1905 гг. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. № 10(91). С. 3693-3703.

[Виноградова, 2024](#) – Виноградова М.А. Особенности организации быта душевнобольных в Санкт-Петербургской городской больнице Святого Пантелеймона (1897–1904) // Здоровьесбережение в повседневной жизни: история и современность. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2024. С. 31-35.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

[Костригин, Стоюхина, 2021](#) – Костригин А.А., Стоюхина Н.Ю. Душевные эпидемии как феномен девиантного поведения в российской психиатрии и психологии на рубеже XIX – XX вв. //

Современная реальность в социально-психологическом контексте. Новосибирск: НГПУ, 2021. С. 219-225.

Панова, 2021 – Панова Е.Л. Эпидемии психических расстройств в Российской империи конца XIX века // *Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко*. 2021. № 4. С. 104-109.

Патанина, Устинов, 2021 – Патанина Н.С., Устинов А.Л. Проблемы в отношении врачей и общества к душевнобольным людям в XIX – начале XXI вв. / *Актуальные вопросы современной медицинской науки и здравоохранения*. Т. 3. Екатеринбург: УрГМУ, 2021. С. 299-304.

Хлапов и др., 2013 – Хлапов А.Л., Камаев И.А., Поздеева Т. В., Иванов М.А. К вопросу о развитии российского законодательства XVIII–XX вв. о душевнобольных // *Российский психиатрический журнал*. 2013. № 2. С. 89-93.

Шестерикова, 2014 – Шестерикова О.А. Антропологический статус безумия в культуре и зарождение психиатрии // *Теория и практика общественного развития*. 2014. № 1. С. 54-58.

Щербинина, 2018 – Щербинина А.О. Душевнобольные как объект социального призрения в России в XVIII–XIX веках // *Социально-гуманитарные тенденции: история и современность*. М.: Антропита, 2018. С. 68-72.

References

Bezgin, 2012 – Bezgin, V.B. (2012). Dushevnobol'nye v russkom sele konca XIX veka [Mentally ill in a Russian village at the end of the 19th century]. Predstavlenija ljudej o «norme» i «patologii» v processe istoricheskogo razvitiya. Sankt-Peterburg: Poltorak. Pp. 79-84. [in Russian]

Bezgin, 2013 – Bezgin, V.B. (2013). Derevenskie «durachki»: dushevnobol'nye v rossijskom sele (konec XIX – nachalo XX veka) [Village "fools": the mentally ill in the Russian countryside (late XIX – early XX centuries)]. Istorija i filosofija razvitiya regionov, stran, narodov mira. Kirov. Pp. 22-31. [in Russian]

GAKK – Gosudarstvennyj arhiv Krasnojarskogo kraja [The State Archive of the Krasnojarsk Krai].

Khlapov et al., 2013 – Khlapov i dr. (2013) K voprosu o razvitii rossijskogo zakonodatel'stva XVIII–XX vv. o dushevnobol'nyh [To the question of the development of Russian legislation of the XVIII–XX centuries about the mentally ill]. *Rossijskij psichiatricheskij zhurnal*. 2: 89-93. [in Russian]

Kostrigin, Stojuhina, 2021 – Kostrigin, A.A., Stojuhina, N.Yu. (2021) Dushevnye jepidemii kak fenomen deviantnogo povedenija v rossijskoj psichiatrii i psi-hologii na rubezhe XIX – XX vv. [Mental epidemics as a phenomenon of deviant behavior in Russian psychiatry and psychology at the turn of the 19th– 20th centuries]. *Sovremennaja real'nost' v social'no-psihologicheskom kontekste*. Novosibirsk: NSPU, pp. 219-225. [in Russian]

Panova, 2021 – Panova, E.L. (2021). Epidemii psichicheskikh rasstrojstv v Rossijskoj imperii konca XIX veka [Epidemics of mental disorders in the Russian Empire at the end of 19th century]. *Bulleten' Nacional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshhestvennogo zdorov'ja imeni N.A. Semashko*. 4: 104-109. [in Russian]

Patanina, Ustinov, 2021 – Patanina, N.S., Ustinov, A.L. (2021) Problemy v otnoshenii vrachej i obshhestva k dushevnobol'nyh ljudjam v XIX – nachale XXI vv. [Problems in the attitude of doctors and society towards mentally ill people in the XIX – early XXI centuries]. *Aktual'nye voprosy sovremennoj medicinskoj nauki i zdavoohranenija*. Т. 3. Ekaterinburg: USMU. Pp. 299-304. [in Russian]

Shcherbinina, 2018 – Shcherbinina, A.O. (2018). Dushevnobol'nye kak ob'ekt social'nogo prizrenija v Rossii v XVIII–XIX vekah [The mentally ill as an object of social care in Russia in the XVIII-XIX centuries]. *Social'no-gumanitarnye tendencii: istorija i sovremennost'*. Moskva: Antrovita. Pp. 68-72. [in Russian]

Shestikova, 2014 – Shestikova, O.A. (2014) Antropologicheskij status bezu-mija v kul'ture i zarozhdenie psichiatrii [The anthropological status of madness in culture and the emergence of psychiatry]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya*. 1: 54-58. [in Russian]

Vinogradova, 2020 – Vinogradova, M.A. (2020) Povsednevnaia zhizn' dushevno-bol'nyh na severozapade Rossijskoj imperii v 1890-e gg. [The daily life of mentally ill people in the north-west of the Russian Empire in the 1890s]. *Reformy v povsednevnoj zhizni naselenija Rossii: istorija i sovremennost'*. Т. 2. SPb.: LGU im. A.S. Pushkina. Pp. 309-314. [in Russian]

Vinogradova, 2022 – Vinogradova, M.A. (2022) Istoriograficheskij aspekt or-ganizacii psichiatricheskoj pomoshhi v Rossijskoj imperii v 1861–1905 gg. [The historiographical aspect of the organization of psychiatric care in the Russian Empire in 1861-1905]. *Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij*. 10(91): 3693-3703. [in Russian]

Vinogradova, 2024 – Vinogradova, M.A. (2024). Osobennosti organizacii byta dushevnobol'nyh v Sankt-Peterburgskoj gorodskoj bol'nice Svjatogo Pante-lejmona (1897–1904) [Features of the organization of the life of the mentally ill in St. Petersburg City Hospital of St. Panteleimon (1897-1904)]. *Zdorov'esberezhenie v povsednevnoj zhizni: istorija i sovremennost'*. SPb.: LGU im. A.S. Pushkina. Pp. 31-35. [in Russian]

Умалишённые в российском обществе в XIX – начале XX в.: историко-антропологический анализ (по материалам Енисейской губернии)Александр Сергеевич Ковалев ^{a, *}^a Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

Аннотация. Статья представляет собой комплексное историко-антропологическое исследование социальных практик и культурных механизмов восприятия душевных заболеваний в Енисейской губернии в XIX – начале XX в. Основной акцент сделан на изучении процесса первичной идентификации психических расстройств в регионе, основанной на общественной диагностике без участия медицинских специалистов. Основное внимание уделяется роли представителей власти местных сообществ в выявлении случаев психического заболевания, а также их влиянию на дальнейшую судьбу умалишённых.

Исследование опирается на междисциплинарный подход, сочетающий принципы антропологического подхода к истории, «новой социальной истории», локальной истории, микроистории. Источниковую основу составили впервые вводимые в научный оборот архивные материалы из фондов Государственного архива Красноярского края (ГАКК), включая крестьянские приговоры, полицейские рапорты, материалы судебных дел, переписку губернских учреждений. Это позволило реконструировать институциональные и бытовые проблемы обращения с душевнобольными в обществе.

Интерпретация причин душевной болезни в регионе в исследуемый период носила как социальный характер, когда факторами, способствовавшими развитию безумия, назывались алкоголизм, физические травмы, послеродовые осложнения, так и этнокультурный (мистическое объяснение причин сумасшествия в среде инородческого населения).

Общественная диагностика представляла собой наблюдение за поведенческими отклонениями и коллективное принятие решений. Сочетание традиционных представлений о норме и патологии и бюрократических практик отражало незавершённость процессов модернизации в Енисейской губернии в имперский период. Общество балансировало между терпимостью к умалишённым и их изоляцией, а решения о лечении или содержании больных часто принимались исходя из экономической целесообразности и уровня опасности, которую они представляли.

Ключевые слова: душевные расстройства, Енисейская губерния, историко-антропологический анализ, общественная диагностика психической заболеваемости, умалишённые.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alexkovaleff@yandex.ru (А.С. Ковалев)